

АРХЕОЛОГИЯ

Р.М.Мунчаев, Ш.Н. Амиров

МЕСОПОТАМИЯ И КАВКАЗ В VI–III ТЫС. ДО Н.Э.¹

Уважаемые коллеги и друзья!

Прежде всего, мне хочется подчеркнуть, что я очень рад быть участником настоящей конференции, посвященной истории, археологии и этнографии Кавказа. Я не могу не испытывать чувство гордости, что эта важная и представительная конференция проводится в моем родном Дагестане.

В процессе подготовки настоящего доклада ценные дополнения к нему предложил мой коллега и ученик д.и.н. Ш.Н. Амиров. Поэтому прошу считать его моим соавтором и рассматривать предлагаемый доклад как совместный – мой и Ш.Н. Амирова.

Мы решили посвятить наш доклад памяти недавно ушедшего из жизни выдающегося азербайджанского ученого-археолога чл.-корр. АН Азербайджана Идеала Гамид оглы Нариманова. Выпускник Ленинградского университета и аспирантуры Института археологии АН СССР, И.Г. Нариманов своими открытиями и трудами внес неоценимый вклад в изучение археологии, древнейшей истории и культуры Азербайджана, Закавказья и Кавказа в целом. Более 10 лет он был членом Месопотамской экспедиции Института археологии АН СССР и участвовал в раскопках целой группы раннеземледельческих памятников в Северо-Западном Ираке. И когда в начале 80-х гг. Идеал Нариманов открыл в Карабахской степи в Азербайджане новое энеолитическое поселение с оригинальным керамическим комплексом и выразительной архитектурой, он, как опытный исследователь, понял, что это не обычный памятник, характерный для энеолита Закавказья, а поселение, оставленное выходцами из Месопотамии, точнее племенами-носителями так называемой убейдской культуры. Это открытие и сделанное на основании его материалов заключение было в определенной степени сенсационным. И хотя в дальнейшем для нас, в частности, стала более очевидной принадлежность данного памятника не к убейдской, а к следующей за ней урукской культуре, это не меняет существенно главного факта – факта не просто влияния древней месопотамской культуры на один из смежных регионов, а именно проникновения на Южный Кавказ в IV тыс. до н.э. отдельных этнокультурных групп из Ближнего Востока. Мы ведем речь о поселении Лейла-тепе – памятнике ныне широко известном специалистам и представляющим отдельную культуру энеолита Южного Кавказа. Открытие и выделение этой культуры не только расширили и конкретизировали наши представления о времени, характере и путях ближневосточно-кавказских культурных связей и влияниях в древности, но и позволили осмыслить и устано-

---

¹ Настоящая публикация представляет собой доклад, прочитанный на международной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе» (Махачкала, 2–5 октября 2007 г.).

вить место ряда других комплексов в системе древнейших раннеземледельческих культур Закавказья. И в этом первостепенная заслуга принадлежит И.Г. Нариманову.

Как известно, проблема переднеазиатско-кавказских связей и взаимовлияний в древности еще с XIX в. привлекает внимание ученых как в нашей стране, так и за рубежом. Эта проблема весьма широкая и разносторонняя. Она не может быть освещена, естественно, в одном или двух докладах. В нашем докладе она освещается в хронологических рамках VI–III тыс. до н.э., т.е. времени формирования и развития раннеземледельческих культур и ранних цивилизаций.

Другими словами, речь пойдет, с одной стороны, о том, существовали ли связи Закавказья с первичными центрами Ближнего Востока в период зарождения там земледелия и скотоводства и развития ранних оседло-земледельческих культур, а с другой – какова была роль переднеазиатского и, в частности, месопотамского культурного очага в формировании и развитии на Северном Кавказе в IV–III тыс. до н.э. такого феномена, как знаменитый Майкопский курган и майкопская культура раннебронзового века в целом. Как раз после раскопок в 1897 г. этого богатейшего кургана с его уникальными сокровищами заметно возрос интерес в России и Европе к проблеме ближневосточно-кавказских связей. О том, как развивался этот интерес, какие мнения, гипотезы и предположения были высказаны по данной теме, мы не будем касаться, ибо они многим хорошо известны, и перейдем прежде всего к Закавказью. Но сначала напомним, что проведенные с 40-х гг. прошлого века на Ближнем Востоке, особенно в Месопотамии, большие целенаправленные исследования археологическими экспедициями ряда стран Европы и Америки, а также и Японии привели к открытию здесь ряда последовательно сменявшихся древнейших раннеземледельческих культур, таких, как хассунская, халафская, убейдская и урукская. Стало совершенно очевидным, что Ближний Восток, конкретнее междуречье Тигра и Евфрата, т.е. Месопотамия, является наиболее ранним очагом возникновения важнейших отраслей древнейшей производительной экономики – земледелия, скотоводства и металлургии и центром формирования первых государств и древнейшей цивилизации в истории человечества. Месопотамский очаг не мог не оказать и оказал в действительности несомненное влияние на смежные области, как близлежащие – Анатолию, Иран и Кавказ, так и отдаленные регионы, вплоть до Средней Азии. Мы не будем углубляться в эпоху раннего палеолита (а это более миллиона лет тому назад), когда через Кавказ проходил один из основных путей расселения древнейшего человека, а поговорим прежде всего о том времени, когда Месопотамия перешла от присваивающих форм хозяйства – собирательства и охоты – к земледелию и скотоводству и там, в северной ее части, получила развитие самая ранняя земледельческая культура Месопотамии – так называемая культура Телль Сотто и сложившаяся на ее основе известная хассунская культура. Мы рассматриваем их как единую – хассунскую – культуру, датируемую в пределах VII–VI тыс. до н.э. Она охватывает территориально лишь степную часть Северной Месопотамии – Джезиру. Именно с носителями этой культуры связываются начальные этапы освоения аллювиальных долин Верхней Месопотамии.

До настоящего времени, следует отметить, мы не располагаем никакими конкретными данными, свидетельствующими о связях и тем более влияниях Хассуны на смежные территории. Лишь четко прослеживаются ее связи с так называемой сравнительно поздней самаррской культурой, сформировавшейся в бассейне среднего течения Тигра. Возможно, в дальнейшем удастся проследить какие-то

следы влияния этой древнейшей раннеземледельческой культуры в сопредельных с Месопотамией областях Передней Азии, включая Кавказ, где, кстати, судя по Чохскому поселению стоянке в горном Дагестане, также довольно рано появляются земледелие и скотоводство.

На смену Хассуне в Северной Месопотамии приходит знаменитая халафская культура, датируемая концом VI–V тыс. до н.э. Ее появление и распространение здесь ознаменовалось, по всей вероятности, приходом сюда нового в этнокультурном аспекте населения со своими оригинальными традициями домостроительства, керамического производства и обряда захоронения. Действительно, в эпоху Халафа принципиально изменяется форма домостроительства в Северной Месопотамии. Вместо больших многокомнатных домов прямоугольного плана – господствующей формы архитектуры в предшествующий хассунский период – здесь на поселениях появляются и начинают доминировать однокомнатные, круглые в плане дома в виде толоса, с примыкающими к ним прямоугольными постройками хозяйственного назначения.

Резко отличаются друг от друга и керамические комплексы данных культур, прежде всего расписная посуда. Если керамика хассунской культуры не отличается особым разнообразием форм и демонстрирует однообразие мотивов расписной орнаментации, то халафская керамика технологически более высокого качества и типологически несравненно многообразна. Что же касается характера и мотивов росписи сосудов, то здесь не может быть никакого сравнения. Количество мотивов росписи на халафской керамике доходит до 500. Преобладают мотивы геометрического характера, но немало и выразительных изобразительных сюжетов. Мы наблюдаем, кроме того, наряду с преобладающей монохромной росписью и полихромную. Нельзя не отметить и отсутствие общих черт между образцами антропоморфной пластики Хассуны и Халафа.

Наконец, для погребального обряда племен халафской культуры характерны не только обычное трупоположение в грунтовых ямах, но также кремация покойников и захоронения в катакомбах. Именно в Северной Месопотамии фиксируются наиболее ранние катакомбные погребения.

А какова была культурно-историческая ситуация в данный период на Кавказе, в частности в Закавказье? Крайне интересно, что в эпоху Халафа мы наблюдаем близкую в культурном отношении картину на Южном Кавказе, главным образом в бассейне Куры и ее притоков. Начиная примерно с середины XX в., в Закавказье был открыт значительный культурный пласт, предшествовавший куроаракской культуре раннебронзового века и представленный большой и выразительной группой раннеземледельческих памятников. Это – поселения в виде тепе или теллей переднеазиатского в широком смысле типа. Они относятся к эпохе позднего неолита и энеолита и датируются VI–IV тыс. до н.э. Как раз их открытие остро поставило вопрос о переднеазиатско-кавказских связях. Обращает на себя внимание прежде всего тот факт, что для этих поселений, как и северомесопотамских (халафских) VI–V тыс. до н.э., типична круглоплановая архитектура в виде однокомнатных домов толосовидной формы. Но керамика резко отлична от халафской технологически и типологически и лишена расписной орнаментации. Однако крайне важно, что на некоторых закавказских памятниках, как, например, в соответствующем слое Нахичеванского Кюльтепе I, обнаружена как типичная халафская расписная керамика, так и местные подражания ей. В последнее время

образцы халафской расписной керамики обнаружены и в Армении, в районе Эчмиадзина.

Расписная керамика найдена и в ряде других раннеземледельческих памятников Кавказа, в частности в Армении (Техут) и Азербайджане (Аликемектепеси и др.), а также в Дагестане (Гинчи). Но они сравнительно моложе рассматриваемой группы памятников и могут быть сопоставлены с убейдской культурой Месопотамии или соответствующими комплексами Северо-Западного Ирана.

Но вернемся к халафскому периоду в истории Северной Месопотамии и Закавказья. Ясно, что между двумя этими регионами Передней Азии имели место определенные связи и взаимовлияния, но насколько интенсивными они были и каковы их истинные последствия, сказать пока трудно. Данный вопрос не раз становился предметом рассмотрения, и по нему высказаны различные, нередко весьма противоположные точки зрения. Так, по мнению одних исследователей, можно предположить, что формирование халафской культуры происходило под влиянием Закавказья. А такой известный английский ученый, как Дж. Меллаорт, считал, что Халаф, с одной стороны, и соответствующие памятники Южного Кавказа, с другой, представляют, по сути дела, как бы две части единой культуры. Племена каждой из них контролировали различные пути торговли обсидианом – важнейшим материалом в древности для производства орудий труда.

Как видим, связи между населением Ближнего Востока и Южного Кавказа устанавливаются с достаточной очевидностью уже с VI–V тыс. до н.э. Они, как убедительно свидетельствуют археологические данные, заметно активизировались в последующий за Халафом период развития так называемой убейдской культуры и особенно культуры Урука. Подчеркнем, прежде всего, что в отличие от хассунской и халафской культур, распространенных только в Северной Месопотамии, убейдская культура – это первая общемесопотамская культура. Она датируется примерно концом V – первой половиной IV тыс. до н.э., и ее влияния четко фиксируются в Иране и значительно восточнее – в Туркменистане. Через Северо-Западный Иран, в частности, они достигают и Закавказья.

Но убейдскую культуру превзошла по масштабам инвазии, культурному воздействию на смежные области, а главное по своему общеисторическому значению урукская культура. Проблема взаимоотношений Урука и Кавказа становится сейчас для исследователей древнейшего Кавказа одной из важных и актуальных тем.

Мы отметили выше, что, когда И.Г. Нариманов открыл на Карабахской равнине в Азербайджане поселение Лейлатепе, он определил его как памятник, оставленный переместившимися в Закавказье убейдскими племенами. Но в дальнейшем, по мере детального изучения этого памятника и накопления новых данных, мы стали все больше убеждаться в его принадлежности не к убейдской, а урукской культуре, т.е. ко второй половине IV – началу III тыс. до н.э. Сейчас же после публикации монографий о Лейлатепе и других связанных с ним памятников, а вслед за этим повторением этой публикации в отдельной работе Т.Ахундова, изданной в недавно вышедшем во Франции сборнике о культурах Кавказа VI–III тыс. до н.э., для нас это стало еще более ясно. Кроме того, мы окончательно утвердились во мнении, что Месопотамия в лице прежде всего носителей урукской культуры способствовала формированию на Северном Кавказе майкопской культуры.

Возникает, естественно, вопрос, действительно ли какие-то группы месопотамского населения, в частности «урукцы», могли проникнуть на Кавказ, создать там свои поселки и способствовать даже сложению отдельных ярких культур?

Известно, что в IV тыс. до н.э., особенно во второй его половине, Южная Месопотамия становится центром активных культурных импульсов, оказавших влияние на развитие значительных территорий Старого Света. Если инвазия убейдской культуры охватила всю Месопотамию и некоторые смежные области, то территории, подвергшиеся культурным влияниям Урука, значительно превосходили площадь собственно Месопотамии.

В нашу задачу не входит сейчас выяснение причин, приведших к столь высокому развитию Месопотамии в IV тыс. до н.э. и, в частности, к столь широкой «экспансии» урукской культуры. Нам представляется, что это было связано с опережающим развитием технологии, особенно металлургии и металлообработки (т.е. металлопроизводства) и поисками источников меди, а также золота и серебра. По нашему мнению, движущей силой, стимулировавшей «экспансию урукцев» на смежные с Месопотамией области, в первую очередь Анатолию и Кавказ, было как раз стремление найти источники металла. Но не только. Складывающаяся на юге Месопотамии древнейшая государственность и цивилизация, лишенная многих важных природных ресурсов, испытывала нужду еще, по крайней мере, в дереве и камне. К позднеурукскому времени потребности отдельных городов-государств стали таковы, что они нуждались в наличии защищенных торговых путей в районы источников природных ресурсов через предгорья, обрамлявшие долины Месопотамии.

Результатом перемещения групп южномесопотамского населения стало создание переселенческих поселений в горах Загроса, на Тигре, по Евфрату и в горах Тавра в юго-восточной Анатолии. Преимущественно через Сузиану материальная культура урукского облика распространилась на территорию Ирана и даже за его пределы.

В границах Месопотамской равнины проникновение населения Южной Месопотамии и его культурных достижений в северном направлении осуществлялось двумя путями и распространялось двумя моделями, условно обозначенными нами как «евфратская» и «тигридская». Хронологически обе модели развивались неодновременно. Первоначально, в раннеурукское время влияния с юга на север Месопотамии шли по Тигру, в восточную часть Джебзире. На среднем же Евфрате, т.е. в западной, сирийской части Джебзире переселенческие с юга поселения возникали лишь в среднеурукское время. В это время контакты между южномесопотамскими центрами и сиро-анатолийскими общинами были еще не значительны.

Пик южномесопотамской колонизации, как и закат существования сети урукских поселений – колоний вдоль Евфрата, относится к позднеурукскому периоду. Здесь в сирийской Джебзире исследован целый ряд урукских поселений, в том числе раскопанный российской экспедицией Телль Хазна I с трехметровым урукским слоем, а также такие крупные поселения городского типа, являвшиеся важными торговыми центрами, как Хабуба Кабира, Джеббель Аруда и другие. Яркий пример торговой активности демонстрирует, в частности, поселение Арслантепе в Восточной Анатолии. Любопытно, что в некоторых случаях керамика урукского типа обнаружена на поселениях, обитатели которых, в частности, в Тепечике на равнине Кебам и в Норшунтепе в районе Эргани Маден, занимались добычей руды и плавкой меди.

Что же касается восточной части Северной Месопотамии или так называемой ассирийской степи, т.е. бассейна Тигра, то она была широко освоена и заселена еще задолго до урукского периода, но и она испытала на себе заметные влияния культуры Урука. Здесь, можно сказать, повсеместно присутствует урукский материал и наблюдается такая же картина, как и западнее, в бассейне Евфрата. Речь идет о наличии в данных регионах как собственно урукских поселений, так и отдельных анклавов южномесопотамского населения в местных центрах городского типа, как, например, Телль Брак в сирийской Джебзире и другие.

Эти активные переселенческие и миграционные процессы во второй половине IV – III тыс. до н.э. на рассматриваемой территории, вызванные демографическим ростом или давлением, а затем и наступившей аридизацией, охватили, кроме севера Месопотамии и Восточной Анатолии, также центральный и особенно Северо-Западный Иран. Отметим, в частности, что керамика урукского типа обнаружена на серии поселений, расположенных в долинах рек, пересекающих Загрос. Такая керамика встречается и на пути из Сузианы на Центральное плато Ирана.

Ярким примером наличия на территории Ирана торговых шумерских или эламских факторий, существовавших в виде анклавов в местных поселениях, являются такие известные ныне памятники, как Годин Тепе и Сиалк. В частности, в слое Сиалк III обнаружены не только сосуды урукской культуры, но и цилиндрические печати урукского стиля, в том числе с их отпечатками.

Помимо переселенческих поселений, связанных с Шумером либо с Сузианой, на территории Ирана отмечено значительное количество памятников с керамикой, аналогичной распространенной на поселениях Северной Месопотамии IV тыс. до н.э. В частности, поселения именно с подобной керамикой достаточно широко представлены в Северо-Западном Иране, конкретно в районе Тебриза и оз. Урмия. Их уже известно не менее 15, в том числе Яник-тепе, Геой-тепе и т.д. и т.д.

Процесс культурно-исторического развития на Ближнем Востоке и прежде всего в Месопотамии в канун и в эпоху появления здесь первых государственных образований и сложения цивилизации был, как видим, чрезвычайно активен и динамичен. Поэтому неудивительна инвазия южномесопотамского населения и его культурных достижений сначала на север Месопотамии и в Анатолию, а затем на восток, в Иран, и, как сейчас устанавливается с полной очевидностью, на Кавказ.

Уже давно один из нас, занимающийся исследованием майкопской культуры Северного Кавказа эпохи ранней бронзы, начал говорить и писать о вероятном проникновении на Северный Кавказ где-то на рубеже IV–III тыс. до н.э. отдельных групп ближневосточного населения, способствовавших формированию майкопской культуры в Предкавказье, и о том, что они могут быть связаны с урукской культурой Месопотамии. Возможными же путями их передвижения сюда могли быть прикаспийский и главным образом морской – по Черному морю. Но пока давайте обратимся к Закавказью, к кругу памятников типа Лейлатепе в Азербайджане. При этом подчеркнем в первую очередь, что в свете приведенных выше данных вполне понятно и объяснимо наличие подобных памятников в Закавказье. И их первооткрыватель И.Г. Нариманов был совершенно прав, связывая поселение Лейлатепе с выходцами из Месопотамии.

Поселение Лейлатепе, расположенное в Карабахской степи, в районе Агдама, представляло собой небольшой телль-тепе диаметром около 60 м. Здесь открыты остатки многокомнатных домов прямоугольного плана и добыт интересный археологический материал, преимущественно в виде обломков многочисленных сосудов.

Позднее в данном регионе Восточного Закавказья была открыта целая группа памятников с подобным же материалом, один из которых подвергся раскопкам. Это – поселение Боюк Кесик в Казахском районе Азербайджана, в 200 км к северо-востоку от Лейлатепе, на левобережье Куры.

Керамические материалы этих поселений полностью идентичны и отражают единый культурный и хронологический пласт степной части Восточного Закавказья. Если же сравнить их с соответствующими месопотамскими образцами, то мы, что необходимо подчеркнуть особо, обнаруживаем, что представленные на поселениях Лейлатепе и Боюк Кесик наборы глиняной посуды абсолютно повторяют керамические коллекции памятников Северной Месопотамии, точнее восточной Джебзире второй половины IV тыс. до н.э. Это наглядно документируется, например, сравнением соответствующих закавказских коллекций (Лейлатепе и Боюк Кесик) и исследуемого нашей экспедицией в Северо-Восточной Сирии поселения Телль Хазна I.

Этот памятник уже получил достаточную известность в ближневосточной археологии. Он представляет собой большой холм диаметром до 200 м и высотой 17 м. Мощность его культурного слоя составляет 16 м. Он состоит из напластований убейдской (около 1 м) и урукской (не менее 3 м) культур и раннединастического I периода (почти 12 м), датированного началом III тыс. до н.э. На трех участках поселения Телль Хазна I мы прошли весь его 16-метровый слой и получили необходимые данные для изучения его стратиграфии, планировки, особенностей архитектуры и системы фортификации. Кроме того, добыт большой и разнообразный археологический материал, главным образом керамический, а также раскопано значительное число погребальных комплексов, из которых более 50 относится к III тыс. до н.э. Нами, в частности, подробно изучена и керамика данного памятника. И в этой связи хотелось бы отметить, что составленный нами список описания морфологии сосудов Телль Хазны I может быть с успехом использован для описания коллекций керамики как Лейлатепе и Боюк Кесик, так и других аналогичных им памятников.

Но вернемся опять на Кавказ, но не на юг Закавказья, а в Северо-Восточный Азербайджан. Здесь в степях Хачмасо-Кубинской зоны зафиксирован ряд памятников с керамикой, представляющей реплики сосудов Северной Месопотамии. Подобные же памятники открыты и к северу, на приморской равнине Дагестана, от Самура и почти до Сулака. Они представляют собой, по сути, антропогенные холмы, аналогичные северомесопотамским теллям. Среди материала, собранного здесь в самое последнее время Р.Г. Магомедовым, представлены образцы глиняной посуды, совершенно аналогичные северомесопотамской керамике. Найден даже фрагмент сосуда с росписью, который может указывать на несколько более раннее время, чем самый конец IV тыс. до н.э.

Дагестан и Чечня, т.е. Северо-Восточный Кавказ, – это не предел, куда достигли месопотамские влияния. Они ярко проявляются в Ставрополье и по всему Предкавказью. Кульминацией данного процесса можно считать формирование на Северном Кавказе такого феномена раннебронзового века Старого Света, как майкопская культура.

Посмотрите на этот комплекс бронзовых орудий труда. Он состоит из самого характерного для культуры Майкопа набора металлических изделий. Как Вы думаете, откуда он происходит? Если полагаете, что он найден где-то на Северном Кавказе, то это совсем не так. Эти предметы обнаружены на поселении Телль

Хазна I в Северо-Восточной Сирии. Таких примеров много. Они демонстрируют единство форм не только металлопродукции, включая золотые и серебряные изделия, отдельных каменных предметов и керамики, но и религиозных представлений.

Еще недавно нам казалось, что основным путем проникновения отдельных групп ближневосточного населения на Северный Кавказ являлся морской, по Черному морю, хотя, надо признаться, никаких конкретных свидетельств в пользу этого не было. Сейчас же очевидно, что этот путь был сухопутным и пролегал он из Месопотамии на Северо-западный Иран и оттуда через Восточное Закавказье и прикаспийский Дагестан на Северный Кавказ, вплоть до Тамани. Мы прослеживаем в настоящее время целую цепь памятников, растянувшуюся от Северной Месопотамии до Восточного Кавказа и далее на север. Эту цепь составляют не только бытовые памятники – поселения, но ее звеньями могут сегодня считаться и погребальные комплексы, в частности Си Гирдан в Иране и курган Учтепе в Мильской степи в Азербайджане. С точки зрения культурно-хронологической, как известно, оба отмеченных памятника связываются в настоящее время с майкопской культурой.

Изложенное выше убедительно показывает, насколько сложным и динамичным, богатым и интересным был культурно-исторический процесс на Кавказе в IV–III тыс. до н.э. и как он был взаимосвязан с Ближним Востоком, где в это время складывалась государственность и рождалась цивилизация. Сейчас нам удается проследить лишь некоторые общие контуры и направления этого процесса. Далеко не все еще нам ясно. Возникают новые вопросы и проблемы, исследованием которых нам предстоит заняться в ближайшее время. Для этого потребуются накопление новых данных, введение их в научный оборот и их глубокий научный анализ. Только в таком случае мы сумеем ответить на возникшие вопросы и решить такие проблемы, как истинное хронологическое соотношение между куро-аракской культурой Закавказья и майкопской культурой Северного Кавказа, чем было вызвано наступившее примерно со второй половины III тыс. до н.э. угасание ближневосточно-северокавказских связей, и связанный, вероятно, с этим закат майкопской культуры. А ведь носители этой культуры подошли к рубежу государственности, но не сумели перейти его. Таких вопросов немало. Поэтому нас ожидают интересные и важные работы.

Рис. 1. Телль-Хазна I. Снимок с космоса. Фото 2004 г.

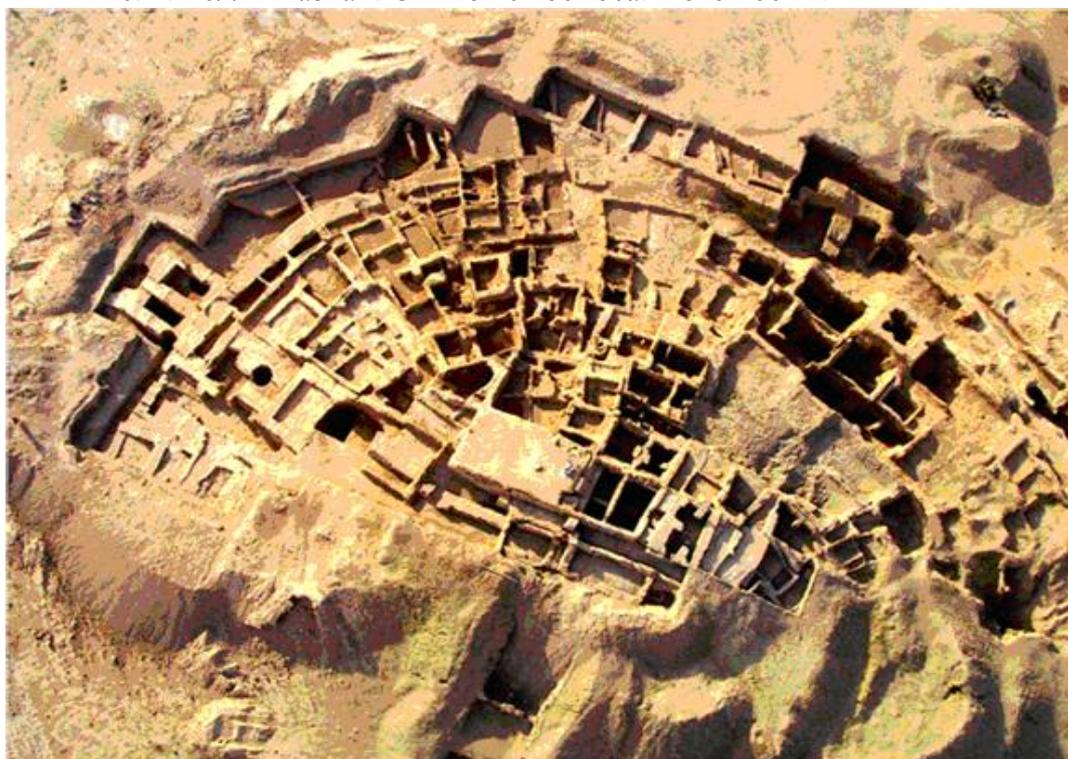

Рис. 2. Телль-Хазна I. Аэрофотоснимок. Фото 2006 г.

Рис. 3. Телль-Хазна I. Обводная стена. Фото 2004 г.

Рис. 4. Телль-Хазна I. Бронзовые орудия из клада.